

*Посвящается Теодору Стефанидесу,
с благодарностью за смех и знания*

СЕМЕЙНОЕ ОБСУЖДЕНИЕ

Зима выдалась суровая, и даже когда ей на смену вроде бы пришла весна, крокусам, обладающим трогательной и непоколебимой верой в смену времен года, приходилось упорно пробиваться сквозь тонкую корку снега. Низкое и серое небо готово было в любую минуту выдать очередной снегопад, а вокруг нашего дома завывал колючий ветер. В общем, погодные условия нельзя было назвать идеальными для посиделок, особенно в случае с моей семейкой.

Мы впервые собрались вместе в Англии после окончания Второй мировой войны, и надо же такому случиться, что в этот день мела метель. На моих домашних это подействовало не лучшим образом: повышенная раздражительность, обиды по пустякам и ни малейшей готовности прислушаться к чужому мнению.

Словно прайд угрюмых львов, мы все сошлись вокруг огня, полыхавшего так немислимо ярко, что казалось, вот-вот займется дымоход. Моя сестра Марго пять минут назад притащила из сада сухое деревце, один конец которого засунула в камин, а второй спокойно лежал на ковре. Мать как будто сосредоточилась на

Птицы, звери и родственники

вязанье, но, судя по отсутствующему выражению лица и молитвенно шевелящимся губам, обдумывала меню завтрашнего обеда. Мой средний брат Лесли уткнулся в солидное пособие по баллистике, а старший брат Лоренс в свитере с высоким воротом, в каких обычно ходят рыбаки (к тому же слишком свободном, на пару размеров), стоял у окна и регулярно сморкался в большой ярко-красный носовой платок.

— Какая ужасная страна, — развернувшись, бросил он нам с вызовом, как будто мы персонально несли ответственность за установившуюся погоду. — Стоит только сойти на берег в Дувре, как на тебя набрасываются полчища микробов... Вы хоть понимаете, что у меня первая простуда за двенадцать лет? А все потому, что до сих пор у меня хватало ума держаться подальше от острова Пудинг. Кого ни встретишь, у всех насморк. Круглый год в Великобритании все только тем и занимаются, что ходят по кругу и сладострастно чихают друг другу в лицо... ни дать ни взять карусель инфекций. И какой, спрашивается, шанс у тебя выжить?

— У тебя обычная простуда, а ведешь ты себя так, словно это конец света, — сказала Марго. — Почему мужчины такие нытики, не могут понять.

Ларри испепелил ее взглядом слезящихся глаз.

— Знаете, в чем ваша беда? Вам нравится быть мучениками. Только люди, склонные к мазохизму, способны жить в этом вирусном раю.

Семейное обсуждение

Вы стагнируете. И вам нравится угасать в море инфекций. Можно еще понять людей, которые ничего другого не видели, но после греческого солнца... Вам есть с чем сравнивать.

— Да, дорогой, — примирительно сказала мать. — Но тебе просто не повезло с погодой. Здесь бывает очень даже хорошо. Весной, например.

Ларри уставился на нее:

— Не хочется тебя выводить из затяжного, как у Рипа ван Винкля, сна, но весна уже наступила... якобы. Чтобы добраться до почты, надо запрягать упряжку с эскимосскими лайками.

— Полдюйма снега, — фыркнула Марго. — Ты все преувеличиваешь.

— А я с Ларри согласен, — заявил Лесли, выныривая из своей книги. — Настоящая холодрыга. Делать ничего не хочется. Даже толком не поохотишься.

— Вот-вот, — торжествовал Ларри. — Если в нормальной стране вроде Греции можно позавтракать в саду, а потом искупнуться в море, то здесь у меня так стучат зубы, что я вообще с трудом могу жевать.

— Хватит уже о Греции, — осадил его Лесли. — Сразу вспоминается Джерри с его кошмарной книжкой. На меня целый год все смотрели косо.

— *Целый год?* — съехидничал Ларри. — А что тогда говорить обо мне? Ты себе даже не представляешь, какой урон моей литературной репутации нанесла эта карикатура а-ля Диккенс.

Птицы, звери и родственники

— Его почитать, так я ни о чем другом не способен думать, только об оружии да лодках, — возмутился Лесли.

— Что чистая правда.

— Больше всего он отыгрался на мне, — вступила Марго. — Сколько страниц он посвятил моим прыщам!

— По-моему, всех вас он изобразил довольно правдиво, — заявила мать. — А вот из меня сделал какую-то ненормальную.

— Ладно бы меня карикатурно вывели в хорошей прозе, — заметил Ларри и трубно высморкался, — но когда еще и стилистическая беспомощность... невыносимо.

— Одно название чего стоит, — продолжила Марго. — «Моя семья и другие звери»! Меня уже достали вопросом: «А из других зверей ты кто?»

— А мне название показалось довольно забавным, — сказала мать. — Только жаль, что лучшие истории выпали.

— Да, верно, — согласился с ней Лесли.

— Это какие же? — с подозрением спросил Ларри.

— Например, как ты отправился на яхте Макса вокруг острова. По-моему, чертовски смешно.

— Если бы он это напечатал, я бы его засудил.

— Ну и зря. Действительно смешно, — сказала Марго.

Семейное обсуждение

— А если бы он рассказал, как ты занималась спиритизмом? Это бы тебе понравилось? — ехидно поинтересовался Ларри.

— Вот еще! Он не посмеет, — ужаснулась Марго.

— То-то же, — позлорадствовал он. — А помнишь, Лесли, как на тебя подали в суд?

— Меня-то ты зачем сюда приплел?

— А кто жаловался, что он не вставил лучшие истории?

— Ах, я про все это даже забыла, — рассмеялась мать. — Мне кажется, Джерри, они смешнее тех, которые ты включил в книгу.

— Хорошо, что ты так считаешь, — сказал я задумчиво.

— Это еще почему? — уставился на меня Ларри.

— Потому что я решил написать про Корфу еще одну книгу и вставить туда все эти истории, — ответил я простодушно.

Это вызвало настоящую бурю.

— Я тебе запрещаю! — прорычал Ларри и оглушительно чихнул. — Категорически запрещаю.

— Не смей писать о моих занятиях спиритизмом! — выкрикнула Марго. — Мама, скажи ему!

— И о том, как на меня подали в суд, — проворчал Лесли. — Я этого не потерплю.

— А если хотя бы упомянешь яхту... — угрожающе начал Ларри.

Птицы, звери и родственники

— Ларри, дорогой, можно не так громко? — попросила мать.

— Тогда запрети ему писать продолжение! — прокричал он.

— Не говори глупости. Как я могу ему запретить?

— Ты хочешь, чтобы все это повторилось? — прохрипел Ларри. — Банк потребует, чтобы ты срочно погасила кредит. Лавочники будут на тебя многозначительно поглядывать. Нас завалят анонимными бандеролями со смирительными рубашками, от нас отрекутся все родственники. Кто у нас глава дома? Вот и запрети ему писать!

— Дорогой, ты, как всегда, преувеличиваешь, — сказала мать. — В любом случае, если он хочет писать, я не могу сказать «нет». Не вижу в этой затее ничего вредного, тем более что речь идет о лучших историях. Почему бы ему не написать продолжение?

Тут семейство встало как один и громогласно объяснило ей, почему мне нельзя писать продолжение. Я подождал, пока буря уляжется.

— Есть и другие интересные истории, — сказал я.

— Какие же, дорогой? — поинтересовалась мать.

Вся семья — раскрасневшись, ощетинившись, сверля меня взорами — замерла в ожидании.

— Ну... — Я задумался. — Опишу твой роман с капитаном Кричем.

Семейное обсуждение

— Что? — Она даже взвизгнула. — Только посмей!.. Роман с этим мерзким стариком... Я тебе запрещаю!

— По-моему, самая замечательная история, — елеиным голосом сказал Ларри. — Тайная страсть, по-старомодному очаровательное ухаживание... то, как ты водила за нос этого беднягу...

— Ларри, помолчи. — Мать совсем расстроилась. — Не выводи меня из себя. Джерри, мне кажется, продолжение книги — это не лучшая идея.

— Вот и я о том же, — поддакнул Ларри. — Если ты это напечатаешь, мы всей семьей подадим на тебя в суд.

Перед лицом такого твердого и единодушного отпора домашних, готовых на все, чтобы только зарубить идею на корню, мне ничего не оставалось, кроме как сесть и написать эту книжку.

В данном случае перед автором вставляли серьезные проблемы. Новых читателей будут раздражать постоянные отсылки к предыдущей книге, которую они не читали, а те, кто с ней знаком, станут досадовать на частые повторы уже известных им событий. Надеюсь, что мне удалось проложить курс между Сциллой и Харибдой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПЕРАМА

Множество в этом саду деревьев росло плодоносных —
Груш, гранатных деревьев, с плодами блестящими яблонь,
Сладкие фиги дающих смоковниц и маслин роскошных.
Будь то зима или лето, всегда там плоды на деревьях;
Нету им порчи и нету конца; постоянно там веет
Теплый зефир, зарождая одни, наливая другие.
Груша за грушей там зреет, за яблоком — яблоко, смоква
Следом за смоквой, за гроздьями вслед поспевают другие.

*Гомер. Одиссея. Песнь седьмая
(Перевод В. Вересаева)*

КРЕЩЕНИЕ

Остров раскинулся между албанской и греческой береговой линией, как длинный изъеденный ржавчиной ятаган. Рукоятью ятагана является горная гряда, в основном голая, каменистая, с торчащими скалами, куда любят наведываться синие каменные дрозды и сапсаны. Зато в долинах, обильно орошаемых ключами, бьющими из красных с золотым отливом скал, растут миндаль и грецкий орех, прохладная тень которых освежает не хуже воды в колодце, сплоченные батальоны кипарисов, напоминающих штыки, и смоковницы с посеребренными стволами и листьями величиной с поднос. Лезвие ятагана — зеленовато-серебристое стеганое одеяло огромных олив, некоторые из них, поговаривают, старше пятисот лет, и при этом каждая — уникально сутулая и скрюченная, ноздреватая наподобие пемзы. На острие меча находится городок Лефкими с его сверкающими до рези в глазах песчаными дюнами и большими соляными болотами, украшенными простирающимися на мили зарослями бамбука, который шуршит и поскрипывает и о чем-то перешептывается. А называется этот остров — Корфу.

Птицы, звери и родственники

В августе, когда мы туда приехали, он лежал бездыханный, изнеможенный от солнца в раскаленном павлинье-синем море под небом, поблекшим до кобальтового оттенка под безжалостными лучами. Причины, по которым мы собрали вещи и покинули сумрачные берега Англии, были довольно туманными, но вращались они вокруг того, что мы устали от скучной провинциальной жизни и промозглого, малоприятного климата. И мы бежали на Корфу в надежде, что солнечная Греция излечит нас от безволия, ментального и физического, к коему нас привело столь долгое проживание в Англии. Вскоре после высадки на сушу мы приобрели нашу первую виллу и обзавелись первым другом среди местных жителей.

Этим другом стал Спиро, ходящий вразвалку бочкоподобный мужчина с огромными сильными ручищами и смуглой, словно из дубленой кожи, нахмуренной физиономией. Он разговаривал на сносном, хотя и диковатом английском, а ездил на стареньком «додже», который часто использовал в качестве такси. Быстро выяснилось, что Спиро, как и большинство жителей Корфу, человек неординарный. Казалось, он знает всех на свете, и нет ничего такого, чего бы он не мог достать или сделать для нас. Самые немыслимые просьбы нашего семейства он встречал словами: «Об этом не волноваться. Я все устрою». И ведь устраивал! Первым таким большим делом стало приобретение виллы — мать не соглашалась без ванной комнаты, а с этим не-

Часть первая. Перама

обходимым условием здорового образа жизни на Корфу была напряженка. Но Спиро, само собой, знал о такой вилле, и мы довольно быстро — после бурных перепалок, отчаянной жестикуляции, а также ведер пролитого пота, поскольку пришлось носить туда-сюда со всем нашим несметным скарбом, — благополучно перебрались-таки на новое место под чутким руководством Спиро. С этого момента он перестал быть просто наемным таксистом и превратился в нашего гида, наставника и друга.

Вилла, которую нам подыскал Спиро, напоминала яркий кирпич цвета раздавленной спелой клубники, с зелеными ставнями. Она уютилась в оливковой роще, возвышавшейся, как кафедральный собор, и сбегавшей по склону к морю, а к вилле прилагался сад величиной с носовой платок (клумбы геометрически расчерчены на излюбленный викторианцами лад), обнесенный высокой живой изгородью фуксий, в которой таинственно шуршали птицы. Нас, приехавших после многолетних терзаний в холодной серой Англии, это щедрое солнце вместе с пестротой ландшафта и запахами, им порожденными, опьянило, как ударившее в голову вино.

Перемена подействовала на членов моей семьи по-разному. Ларри блуждал по комнатам в каком-то трансе и периодически зачитывал матери большие стихотворные пассажи, которые она либо пропускала мимо ушей, либо сопровождала отрешенным «Очень мило». Потрясенная разнообразием фруктов и овощей, она

Птицы, звери и родственники

проводила почти все время на кухне, готовя изощренные восхитительные блюда. Марго, убежденная в том, что солнце, в отличие от пилюль и всяких зелий, избавит ее от прыщей, жарилась под его лучами в оливковой роще с такой одержимостью, что вся обгорела. Лесли, узнав, что в Греции можно приобретать огнестрельное оружие без специального разрешения, частенько пропадал в городе и возвращался со всевозможными образцами охотничьего арсенала — от древнего турецкого дульнозарядного мушкета до револьверов и дробовиков. Каждое новое приобретение проверялось им в деле, поэтому нервы у нас были несколько расстроены; как с горечью заметил Ларри, такое ощущение, что наша вилла осаждена революционными войсками.

Запущенный сад представлял собой переплетение сорняков и дикорастущих цветов, где кружащие, пищащие, шуршащие и скачущие насекомые устраивали настоящую карусель, от которой пестрело в глазах. Неудивительно, что он сразу меня покори́л.

Какими бы роскошными ни были сады в Англии, они не могли похвастаться таким разнообразием живых существ. А здесь возникало странное ощущение нереальности происходящего. Как будто ты только что родился. В этом слепящем переменчивом свете я, как настоящий охотник, мог оценить алую божью коровку, и великолепную шоколадно-янтарную уховертку, и сияющего темно-агатowego муравья. А затем порадовать глаз доселе неизвестными мне

Часть первая. Перама

существами в несметных количествах: крупные мохнатые шмели-плотники, рыскающие от цветка к цветку, как игрушечные мишки цвета электрик, что-то гудящие себе под нос; зеленовато-желтые с черными полосками бабочки-парусники, словно в элегантных, пошитых на заказ фраках, совершающие пируэты над живой изгородью фуксий, сходящиеся друг с дружкой в изящном менуэте; зависшие в воздухе бражники, дегустирующие цветочную пыльцу длинными деликатными хоботками.

Я был в высшей степени невежественным в отношении жизни этих существ, и мне негде было о них прочесть. Все, что мне оставалось, — это наблюдать за их деятельностью в саду или ловить их, с тем чтобы пристальнее изучать дома. Очень скоро моя спальня оказалась вся заставлена банками из-под варенья и коробками из-под печенья, в которых содержались трофеи из нашего крохотного сада. Их приходилось проносить тайком от семьи, поскольку домашние, за исключением разве что матери, относились к появлению фауны на нашей вилле с повышенной тревогой.

Каждый погожий денек эти существа озадачивали меня своим поведением, лишний раз подчеркивая мое невежество. Одним из тех, кто меня больше всего интриговал и выводил из себя, был навозный жук. Лежа на земле рядом с моим псом Роджером, похожим на пыхтящую горку из вьющихся черных завитков, я наблюдал за тем, как два блестящих смоляных жука

Птицы, звери и родственники

с носорожьими рогами вместе катят (с невероятным упорством) идеально круглый навозный комок. Для начала я хотел понять, как им удалось скатать такой невероятно ровный шар. Я знал по собственному опыту с глиной и пластилином, что добиться этого жутко трудно, как бы ты ни мял и ни раскатывал материал, а эти навозные жуки, не располагая кронциркулем или еще каким-то инструментом, только собственными кривыми лапками умудрялись создавать шары округлые, как луна. И тут же возникал второй вопрос. Зачем они его сделали и куда катят?

Эту проблему я решил однажды, по крайней мере отчасти, когда посвятил целое утро двум навозным жукам, игнорируя других насекомых, а также тихие стоны и зевки скучающего Роджера. Я медленно, вымученно следовал за ними на четвереньках, дюйм за дюймом, по нашему садику, для меня совсем маленькому, тогда как для жуков это был огромный мир. Наконец они добрались до земляного холмика возле живой изгороди фуксий. Вкатить навозный комок на вершину было монументальной задачей, несколько раз они оступались, и шар скатывался к подножию, а жуки кидались за ним, костеря друг друга в моем воображении. Но в результате они своего добились и покатали шар вниз по противоположному склону. У подножия холмика я впервые заметил нечто вроде колодца в земле — туда-то они и направлялись. Когда до него оставалась пара дюймов, один из жуков поспешил залезть в колодец задом и принялся отчаянно жестику-

Часть первая. Перама

лизовать передними лапками, пока второй с невероятными усилиями (я, кажется, слышал, как он пыхтит) подкатывал шар к зияющему отверстию. После продолжительного тяни-толкай шар медленно исчез в колодце, а вместе с ним и жуки. Я был сильно раздосадован. Они явно собирались употребить навозную кучу, но если они будут это делать под землей, то как я увижу результат? В надежде, что меня кто-нибудь просветит, я спросил за обедом: что делают навозные жуки с навозом? Мой вопрос вызвал легкое замешательство.

— Наверное, они его как-то используют, — несколько туманно высказалась мать.

— Я надеюсь, ты не собираешься тайно пронести их в дом? — спросил Ларри. — Я отказываюсь жить на вилле, где пол украшен кучами навоза.

— Ну что ты, дорогой, он так не поступит, — умиротворяюще, не веря в собственные слова, заверила его мать.

— Мое дело — предупредить, — сказал Ларри. — Сдается мне, что у него в спальне уже живут самые опасные насекомые из нашего сада.

— Вероятно, он им нужен для тепла, — подал голос Лесли, успевший обдумать мой вопрос. — Навоз — он теплый. Особые ферменты.

— Если нам понадобится центральное отопление, я буду иметь это в виду, — съязвил Ларри.

— А может, они его едят? — предположила Марго.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Семейное обсуждение	7
Часть первая. ПЕРАМА	
1. Крещение	17
2. Оливковая бухта	41
3. Миртовый лес	66
Часть вторая. КОНТОКАЛИ	
4. Пигмейские джунгли	97
5. Каракатицы и крабы	121
Интерлюдия для духов	161
6. Оливковая карусель	190
7. Совы и аристократия	215
Часть третья. КРИСЕДА	
8. Ежи и морские волки	241
9. Говорящая Голова	269
10. Сердитые бочки	293
ЭПИЛОГ	
Переписка	315